

УДК 821.161.1

П. В. Лысаков

**Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И ФЕДОР СОЛОГУБ:
ГОГОЛЕВСКИЙ «СЛЕД» В ДИАЛОГЕ О ПОШЛОСТИ**

27

Диалог между Д. С. Мережковским и Ф. Сологубом, начавшийся после публикации статьи Мережковского «Грядущий Хам», анализируется в аспекте понимания или феномена пошлости. Прослеживаются аналогии между изображением пошлости в романе Сологуба «Мелкий бес» (1905) и суждениями Мережковского-критика. Обнаруживается взаимодействие исследования Мережковского «Гоголь и черт» (1906) с его статьей «Грядущий Хам» (1906). Рассмотрение реакции Сологуба на эту статью позволяет утверждать, что писатель видел в ней, наряду с книгой Мережковского о Гоголе, развитие вопросов, поднятых им самим в романе «Мелкий бес».

This article analyzes the dialogue between D. S. Merezhkovsky and Fedor Sologub that showed their vision of "poshlost'" (vulgarity, banality), which in turn had been informed by the legacy of N. V. Gogol. The author traces the analogies in the artistic depiction of poshlost' by Sologub in his novel "The Petty Demon" (1905) and the critical interpretation of the phenomenon of poshlost' by Merezhkovsky. The connection between Merezhkovsky's study "Gogol and the Devil" (1906) and "The Coming Kham" (1906) is also shown. Sologub's reaction to the article "The Coming Kham" is noted, that shows that he considered the works by Merezhkovsky as the development of issues raised in the novel "The Petty Demon".

Ключевые слова: Мережковский, Сологуб, Гоголь, пошлость, хам, черт, антихрист, дьявол, новое христианство.

Key words: Merezhkovsky, Sologub, Gogol, poshlost', kham, the devil, the Antichrist, the New Christianity.

Вскоре после выхода в свет работы Д. С. Мережковского «Грядущий Хам» (1906) Федор Сологуб написал статью «О "Грядущем Хаме" Д. Мережковского», содержащую одобрение основных положений работы Мережковского, но также и полемику с ней. Статью Сологуба можно было бы признать всего лишь реакцией современника, рецензией среди других критических откликов, однако ряд обстоятельств указывает на то, что появление статьи Сологуба стало частью более масштабного философско-критического и художественного диалога о пошлости как социальном явлении, начатого ранее самим Сологубом.

Пошлость, выступающая одним из главных предметов описания и основных объектов сатиры в романе Сологуба «Мелкий бес», являлась

важной темой и для Н. В. Гоголя. По словам автора «Мертвых душ», Пушкин говорил ему, что «еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека» [3, с. 141–142]. В романе Сологуба можно найти немало приемов и мотивов, характерных для Гоголя (см. об этом [7; 11; 12]). Так, главного героя романа, Передонова, сравнивают с Чичиковым в связи с его визитами к местным значимым лицам для решения деловых вопросов [12, с. 77]. Провинциальный российский город, в котором происходит действие «Мелкого беса», едва ли возможен в реальности, но легко узнаваем, так как подобен гоголевским городам N и отчасти Миргороду. Одно из основных занятий в сологубовском городе — всевозможные дразги и сплетни. Ряд обстоятельств содержит намеки на то, что в нем обитают бесовские силы. Одна из разрабатываемых Сологубом тем — проникновение демонического в красоту. Сближает роман Сологуба с произведениями Гоголя и заимствование ряда типов характеристики и фразовых структур из фольклора [11, с. 39–40].

Сологуб сам подчеркивал связь своей сатиры с гоголевской. «Этот роман — зеркало, сделанное искусно», — пишет он в предисловии ко второму отдельному изданию «Мелкого беса» (1908) [8, с. 6], перефразируя эпиграф к «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [4, с. 5]. Стоит вспомнить и финальную «мораль» предисловия: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком Бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых... О вас» [8, с. 6], — которая является отголоском знаменитой реплики Городничего: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!.. Эх вы!..» [4, с. 120].

В самом же тексте романа Сологуб обыгрывает известные слова Гоголя о птице-тройке, окрашивая их пессимизмом, источник которого — всеобъемлющая демоническая пошлость реальности, описанной в «Мелком бесе»: «О смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкие родные просторы! Тоска, воплощенная в диком галдении, тоска, гнущим пламенем пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую песню к безумному вою! О, смертная тоска! О, милая, старая русская песня, или и подлинно ты умираешь?..» [8, с. 163]

В 1906 г. Мережковский опубликовал работу «Гоголь и черт». Работа состояла из двух частей. Первая, «Творчество», была посвящена интерпретациям пошлости в произведениях Гоголя, вторая, «Жизнь и религия», — его духовному кризису. Взгляды на пошлость, излагаемые Мережковским в этой работе, близки к воззрениям Сологуба, и эта параллель, скорее всего, не случайна. Во-первых, журнальная версия романа увидела свет в 1905 г., то есть незадолго до выхода работы «Гоголь и черт». Во-вторых, жена Мережковского, Зинаида Гишпиус, упоминает, что читала роман в рукописи, что делает еще более вероятным прямое влияние «Мелкого беса» на Мережковского [2, с. 74].

Мережковский устанавливает связь между пошлостью и демоническим в творчестве Гоголя уже в самом начале своего исследования. Он указывает, что «главную мысль всей жизни и творчества» Гоголя была

борьба с дьяволом (чертом) или, словами самого Гоголя в письме С. П. Шевыреву, стремление «черта выставить дураком» [6, с. 1]. Далее Мережковский дает свое определение черта:

Бог есть бесконечное, конец и начало сущего; черт — отрицание Бога, а следовательно, и отрицание бесконечного, отрицание всякого конца и начала; черт есть начатое и неоконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное; черт — нуменальная середина сущего, отрицание всех глубин и вершин — вечная плоскость, вечная *пошлость*. Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными — историческими, народными, государственными, общественными, — явление безусловного, вечного и всемирного зла, пошлость *sub specie aeterni* («под видом вечности») [6, с. 2].

29

Так же как и для Сологуба, что отразилось уже в заглавии романа «Мелкий бес», для Мережковского одна из характерных черт демонической пошлости — мелкость, малость:

...Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилии, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и в глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом [6, с. 3].

Два главных гоголевских персонажа, Хлестаков и Чичиков — это, по Мережковскому, две ипостаси черта, два примера революционного взгляда Гоголя на черта как на нечто обыденное: «...тайная сущность их одна и та же. Они — два полюса единой силы; они — братья-близнецы, дети русского *среднего* сословия и русского XIX века, самого срединного, буржуазного из всех веков; и сущность обоих — вечная середина, “ни то ни се” — совершенная пошлость» [6, с. 33–34].

Черт как «вечная середина» в интерпретации Мережковского схож с сологубовской недотыкомкой из «Мелкого беса», существом с неопределенными чертами. Вот что пишет он о Хлестакове:

Он как все: и ум, и душа, и слова, и лицо у него как у всех. В нем, по глубокому определению опять-таки самого Гоголя, *ничего не означено резко*, то есть определено, окончательно, до последнего предела, до конца. Сущность Хлестакова именно в этой неопределенности, неоконченности. <...> Он, как выражается черт Ивана Карамазова, «потерял все свои концы и начала», он — воплощенное отрицание всех концов и начал, воплощенная нравственная и умственная *середина*, посредственность [6, с. 11].

Нет «концов и начал» у Чичикова. У него тоже «ничего не означено резко», все его качества усреднены. Мережковский подчеркивает, что Чичиков был «*средних* лет и осмотрительно-охлажденного характера» [6, с. 35], а его этику и эстетику составляли «общедоступная полезность, удобство, комфорт, чистота, гигиена — середина в прекрасном так же, как в добром» [6, с. 45].

Развитие понимания «мелкости» создает еще одну параллель между видением бесовского/дьявольского у Мережковского и Сологуба — у обоих черт (бес) ассоциируется с серостью и пылью:

Он [Хлестаков] сокращает всякую мысль до последней степени краткости, облегчает ее до последней степени легкости, отбрасывает ее конец и начало, оставляя одну лишь бесконечно малую, самую срединную точку, — и то, что было вершиною горного кряжа, становится пылинкою, носимую ветром по большой дороге. Нет такого благородного чувства, такой глубокой мысли, которые не могли бы, стершись, выветрившись благодаря этому хлестаковскому гению сокращения, облегчения, *сделаться серою пылью* (курсив наш. — П.Л.) [6, с. 17].

30

Как и пыль в сологубовском городе, гоголевский черт вездесущ: Хлестаков говорит однажды, что он «везде». Для Мережковского это «нуменальное слово; вот уже лицо черта почти без маски: он вне пространства и времени, он вездесущ и вечен» [6, с. 21]. Так же и Чичиков стремится быть вездесущим; как черт Ивана Карамазова, он мечтает «воплотиться, но чтобы уж окончательно, безвозвратно» [6, с. 52]. Его величайшая «позитивистская» мечта — «белолицая бабенка, и молодое поколение, долженствующее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик-мальчишка, и красавица дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал...» [6, с. 52].

И Хлестаков, и Чичиков окружены сплетнями и слухами. Сплетни и потенциальная негативная сила слов — еще один гоголевский мотив, использованный Сологубом в «Мелком бесе». Бобчинский и Добчинский «брякнули слово “реvisor”», и оно пошло «гулять», пока все не поверили окончательно, что Хлестаков и есть реvisor [6, с. 7]. Герои «Мертвых душ» сплетничают о Чичикове, подозревая в нем то капитана Копейкина, то Наполеона, то самого Антихриста. Это только утверждает Мережковского во мнении, что Чичиков действительно Антихрист.

Мережковский полагает, что борьба Гоголя с чертом была в первую очередь борьбой с самим собой, поскольку сам Гоголь признавался в «Четырех письмах разным лицам по поводу “Мертвых душ”», что наделил своих героев, «сверх их собственных гадостей, моею собственною дрянью» [3, с. 144]. Борьба с самим собой и привела Гоголя к кризису, которому посвящена вторая часть работы Мережковского о Гоголе, озаглавленная «Жизнь и религия». В ней автор отходит от обсуждения черта, но проливает свет на путь, предлагаемый в борьбе с ним.

По версии Мережковского, в Гоголе совместились два основных начала — христианское (духовное) и языческое (плотское). Их внутренняя борьба вызвала кризис и в конечном счете смерть Гоголя. Гоголь спасся бы, если бы пришел к синтезу этих двух начал: одухотворенной плоти. Одухотворенная плоть — основополагающее понятие «Нового Христианства» Мережковского — учения, основательно им разработанного к

моменту написания работы о Гоголе и легшего в основу многих его статей и двухтомного исследования «Л. Толстой и Достоевский» (1900). «Из тех же самых двух начал, — пишет Мережковский в книге о Гоголе, — явится и новое вселенское христианство; в нем высший синтез, соединение, равновесие двух начал — плотского и духовного, человеческого и Божеского, земного и небесного» [6, с. 149]. Действительно, раннему христианству приходилось делать упор на духовном и умерщвлять плоть, но только потому, что оно должно было утверждаться и бороться с язычеством. Но пришло время христианства истинного, не «христианства старого, темного, исключительно монашеского, уединяющего», а христианства «нового, светлого, соединяющего, вселенского», ведущего к воскресению плоти и ко второму Пришествию [6, с. 148].

Итак, трагедия Гоголя, по Мережковскому, состояла в том, что под грузом традиции «исторического христианства», следуя неверным советам отца Матфея Ржевского, он был не в состоянии увидеть грядущего «нового религиозного сознания» — будущего нового христианства. Вместо будущего Гоголь обратил свой взгляд назад, к Домострою и оправданию крепостничества:

Не достигнув сверхисторического, он упал ниже, чем историческое христианство. Не найдя будущего в будущем, стал искать его в настоящем и в прошлом.

От белого цвета соединения, через черный цвет уединения, монашества, к серому цвету смешения, середины, пошлости... таков обратный путь Гоголя... [6, с. 155].

Последние же строки работы о Гоголе представляют собой пламенную проповедь нового христианства:

«Будьте не мертвые, живые души» — это последний завет Гоголя всем нам, не только русскому обществу, но и русской церкви.

Что же нам делать, чтобы исполнить этот завет? Одни говорят: нельзя быть живым, не отрекшись от Христа, другие: нельзя быть христианином, не отрекшись от жизни. Или жизнь без Христа, или христианство без жизни. Мы не можем принять ни того, ни другого. Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос в жизни. Как это сделать?

Гоголю на вопрос этот церковь ничего не ответила. Может быть, тогда еще не исполнились времена и сроки. Но теперь они исполняются.

Пусть же церковь ответит. Мы спрашиваем [6, с. 219].

На первый взгляд может показаться, что две части исследования «Гоголь и черт» имеют мало общих точек. Безусловно, обе они о Гоголе. Кроме того, Мережковский и во второй части упоминает черта/Антихриста (но это не дьявол пошлости), и можно заключить, что борьба Гоголя за примирение духа и плоти была также борьбой с чертом. Но вместо того чтобы найти подходящий итог обсуждению Гоголя и его творчества, Мережковский уходит в конце работы в сторону очередного утверждения принципов нового христианства. Соотнести две час-

ти становится возможным, если обратиться к статье «Грядущий Хам». Статья опубликована в том же 1906 г., что и «Гоголь и черт», и обнаруживает текстуальные параллели с последней. Автор опять же обращается к теме пошлости и нового христианства, на этот раз в связи с обсуждением социальных проблем России. Вслед за А. И. Герценом Мережковский заявляет, что пошлость и мещанство захватывают современную западную цивилизацию. Определение мещанства он находит в работе Герцена «Концы и начала» (1862–1863¹):

...Это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всем владеет, — толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни... <...>

Христианство обмелело и успокоилось в покойной и каменной гавани реформации; обмелела и революция в покойной и песчаной гавани либерализма... С такой снисходительной церковью, с такой ручной революцией — западный мир стал отстаиваться, уравниваться»² [5, с. 351].

Мещанство, согласно Мережковскому, — это «последний предел» западного позитивизма, который в «широком смысле есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального и отрицание мира сверхчувственного; отрицание конца и начала мира в Боге и утверждение бесконечного и безначального продолжения мира в явлениях, бесконечной и безначальной, непроницаемой для человека среды явлений, середины, посредственности...» [5, с. 352]. Мещанство, таким образом, утверждает ценности материальные и отвергает ценности духовные.

Для Мережковского мещанство — это также и «религия без Бога», и поэтому оно от дьявола («черта»):

Одного бойтесь — рабства, и худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам [5, с. 375].

Мещанство и пошлость понимаются, таким образом, в «Грядущем Хаме» так же, как в работе «Гоголь и черт»: их сущность в посредственности, а происхождение — от дьявола. Некоторые характеристики даже полностью совпадают. Например, в обеих работах черт (дьявол) посредственности ассоциируется с отрицанием всех начал и концов. В «Грядущем Хаме» Мережковский, вслед за Герценом, определяет Китай как царство крайнего мещанства, которое впоследствии установится в Европе: «Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты; евро-

¹ Мережковский ошибочно датирует эту статью 1864 г.

² Мы приводим цитату с сокращениями. Мережковский составил ее из нескольких мест в статье Герцена «Концы и начала».

пейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы. В этом смысле американцы совершеннее европейцев. Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком» [5, с. 353]. В работе же «Гоголь и черт», критикуя Чичикова за материализм, Мережковский писал: «С этой бессознательной метафизикой Чичикова согласился бы всякий “желтолицый позитивист”, ученик Конфуция, и всякий “белолицый китаец” — ученик О. Конта: тут крайний Запад сходится с крайним Востоком, Атлантический океан — с Тихим» [6, с. 49—50].

Тем не менее, когда Мережковский говорит о новом христианстве в «Грядущем Хама», связь между его религиозными воззрениями и видением черта и пошлости гораздо яснее, чем в работе «Гоголь и черт»:

Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам.

У этого Хама в России — три лица.

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины...

Второе лицо, прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе». <...> Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо, будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц [5, с. 376].

Для того чтобы победить Грядущего Хама, «нужна общая идея, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ; а такую общую идею может дать только возрождение религиозное вместе с возрождением общественным. Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только религиозная общественность³ спасет Россию. <...> Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос» [5, с. 376—377].

Таким образом, именно в заключении статьи «Грядущий Хам» две темы работы «Гоголь и черт» — пошлость и новое христианство — сводятся воедино. Если применить озвученные нами взгляды Мережковского к его работе о Гоголе, связь между двумя частями последней можно сформулировать следующим образом: Гоголь боролся с чертом-пошлостью (которого можно понимать как Грядущего Хама), но не смог его победить, поскольку не открыл для себя нового христианства и Грядущего Христа. Данный вывод согласуется с общей формулировкой Е. В. Волжениной, что для Мережковского в целом «главная миссия художника и в настоящем, и в будущем заключалась в утверждении религиозного творчества новой жизни» [1, с. 100]

Если сравнить упомянутые взгляды Мережковского и Сологуба на черта и пошлость, позиция Мережковского покажется намного более

³ «Религиозная общественность» у Мережковского — социальная реализация идеи Святой Плоти. См., например, его статью «Пророк русской революции» [5, с. 310—349].

оптимистичной. В отличие от Сологуба, он видит для России возможность избежать «беса». Однако Сологуб в статье «О “Грядущем Хаме” Мережковского» высказал мысли, отличные от прозвучавших в «Мелком бесе». Важно отметить, что статья-отклик отражает также и знакомство Сологуба с работой «Гоголь и черт». Использование выражений и понятий, напрямую заимствованных из обеих работ Мережковского, показывает, что Сологуб разделяет взгляды последнего на пошлость (а также что он рассматривает две работы Мережковского в единстве).

То, что всегда казалось вовсе не страшным, обыкновенным, ежедневным, общепринятым и общепризнанным, — соглашается Сологуб, — это и есть самое страшное для поэта, философа и христианина, потому что это — пошрое, а *черт и есть вечная плоскость, вечная пошлость*⁴. Бессмертная людская пошлость, созерцаемая за всеми условиями местными и временными — историческими, народными, государственными, общественными, — есть безусловное, вечное и всемирное зло. И эта плоскость, эта нумеральная середина сущего, *отрицание всех глубин и вершин*, этот вечно серый, неизменно ничтожный и истинно страшный черт... являет легкомысленно мятущемуся миру свое страшное лицо уже почти без маски, дерзко отрицает Бога, истерически кричит: я! я! и собирается воцариться... [9, с. 102].

Тем не менее Сологуб предлагает свое решение социального кризиса и в пылу спора звучит почти как революционер. Он считает, что, будучи аристократом, Мережковский боится революции и отказывается видеть, что Хам — лицо России старой, а не будущей. Только ненавидящий свободу испытывает страх перед Хамом. По Сологубу, Мережковский просто боится будущего и дает ему имя Хам. Он не желает признать, что «Грядущий есть человек в его совершенном самоутверждении» [9, с. 105].

В этом несогласии с Мережковским Сологуб едва ли похож на символиста. Он выступает сторонником теории прогресса, почти повторяет за Горьким, что человек — это звучит гордо, и отрицает существование метафизического зла. Но уже в 1907 г. он публикует статью «Человек человеку — дьявол», знаменующую возврат к пессимизму. В ней Сологуб разделяет феномены на два типа: *я* и *не-я*. *Не-я* и есть дьявол, и побороть его можно только путем полного самоутверждения, ибо другие — дьявол:

Разве вы не видите, какие они *плоские и серые*? Все черти — *плоские и серые*. Все люди — неужели все? — *плоски и серы*. Люди — черти. Неужели и вправду черти?

Да, насколько они — *не-я* [10, с. 55].

Дихотомия *я* — *не-я* и приписывание всем другим демоническим качеств возвращают нас к упомянутому вначале предисловию ко второму изданию «Мелкого беса», которое будет опубликовано в следующем, 1908 г.: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком Бесе...» [8, с. 6].

⁴ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — П.Л.

Таким образом, диалог о пошлости, который развивался в 1906–1907 гг. между двумя художниками-символистами в рамках размышлений о жизни современной России и будущих социальных переменах, можно представить следующими этапами:

1. Роман «Мелкий бес» (1905): художественная интерпретация пошлости Сологубом в традициях поэтики Н. В. Гоголя. Социальный пессимизм («О, русская тоска!»).

2. Критическое осмысление пошлости в работе Мережковского «Гоголь и черт» (1906).

3. Статья Мережковского «Грядущий Хам» (1906) — развитие идей нового христианства как средства борьбы с пошлостью, этим новым Антихристом.

4. Полемический ответ Сологуба (1906), заявляющего, что будущее — за Человеком, а не за Хамом и не за Христом.

5. Автопоправка Сологуба и его возврат к пессимизму (1907).

Список литературы

1. Волженина Е. В. Русский символизм в поисках будущего // Вестник ПСПГУ. 2014. Вып. 1 (56). С. 97–106.
2. Гиппиус З. Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе: Критика, статьи и заметки. Ann Arbor, 1983. С. 72–78.
3. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847.
4. Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений : в 5 т. М., 1960. Т. 4.
5. Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991.
6. Мережковский Д. С. Гоголь и черт. М., 1906.
7. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.
8. Сологуб Ф. Мелкий бес. Берлин ; СПб. ; М., 1923.
9. Сологуб Ф. О «Грядущем хаме» Д. Мережковского // Золотое руно. 1906. №4. С. 102–105.
10. Сологуб Ф. Человек человеку — дьявол // Золотое руно. 1907. №1. С. 53–55.
11. Lyssakov P. Gogol and the Russian Literary Mind: 1890s — 1930s. N. Y., 1998.
12. Rabinowitz S. J. Fedor Sologub and His Nineteenth-century Russian Antecedents // Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22, №. 3. P. 324–335.

Об авторе

Павел Вячеславович Лысаков — д-р по русской литературе (Колумбийский университет), ст. преп., СПбГУ.

E-mail: p.lysakov@spbu.ru

About the author

Dr. Lysakov (Lyssakov) Pavel — Assistant Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: p.lysakov@spbu.ru